

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛОГИКИ

То обстоятельство, что формами рационального уровня познавательной деятельности являются «понятия», «суждения» и различные виды «умозаключения», традиционно относимые к ведомству логики, не раз служило основанием для попыток отождествить «рациональное» и «логическое». Авторов, ставивших знак равенства между этими терминами, не особенно занимало, что люди часто правильно рассуждают, даже не зная самого слова «логика». Рациональное мышление — одна из основных способностей любого нормального индивида, тогда как о собственно логическом познании можно говорить лишь там, где сами способы, с помощью которых реализуется данный уровень интеллектуальной деятельности, становятся предметом специального интереса и профессионального изучения.

Это означает, что если в процессе рассуждения всегда используются логические формы (хотя при этом могут нарушаться определенные логические правила), то сами эти формы не обязательно напрямую соотносятся с традиционным представлением о рациональности, понимаемой как *стремление к эффективной организации деятельности, направленной на достижение определенной цели с наименьшей затратой усилий*. В самом деле, всевозможные виды умозаключений, посредством которых строится реальное рассуждение, сами по себе определяются лишь одной целевой установкой: быть логически корректными. И с этой точки зрения логика представляет собой инструмент, с помощью которого люди решают какие-то практические задачи, а все ее формы являются элементами содержательного рассуждения, раскрывающего целевую направленность человеческих усилий.

Правда, отождествление рациональности с целесообразностью иногда вызывает существенные возражения. Например, вполне справедлив вопрос о том, может ли быть рациональной деятельность, не достигающая поставленной цели¹. Отвечая на него отрицательно, В. Н. Порус рассматривает в качестве примера научный поиск, не приводящий к получению истины, которая, по его мнению, всегда есть непосредственная цель конкретных познавательных процедур. Но

¹ См.: Порус В. Н. Рациональность философии как ценность культуры // Полигнозис. 2003. № 2. С. 5.

© С. С. Гусев, 2005

можно ли без всяких оговорок утверждать, что в любой конкретной ситуации внимание исследователя направлено прямо на достижение истины? В реальной практике науки ученый прежде всего заботится об эффективной организации соответствующих познавательных процедур, и в этом смысле его действия рациональны, даже если они приводят его не к тому ответу, который данный ученый хотел получить на поставленный вопрос.

Кроме того, расхождение исходных ожиданий исследователя и реально полученных им данных также не обязательно свидетельствует о «нерациональности» осуществленного поиска. Как известно, в науке отрицательный результат имеет свою ценность, поскольку тоже открывает некоторую истину (хотя бы показывает ошибочность каких-то прежних представлений ученых). Поэтому вообще вряд ли можно без всяких оговорок утверждать, что поставленная исследователем цель не была достигнута, если полученная информация заставляет профессионалов пересматривать свои предшествующие представления. Скорее, следует говорить о том, что в человеческой деятельности необходимо различать не одну, а несколько целевых установок. Они связаны между собой различным образом и представляют частные элементы общей задачи, но в то же время реализация какой-либо одной из них предполагает определенную автономность действий того, кто эту задачу решает.

Легко увидеть, что одна из таких целей связана с эффективным осуществлением каждого отдельного шага в исследовательском процессе, а потому ее можно обозначить как «локальную». Вторая же обычно выражает общую направленность поисковой деятельности на решение конечной задачи, ради которого и предпринимаются конкретные усилия человека. Она характеризуется в качестве «глобальной». В частности, когда оценивается уместность и эффективность каких-то конкретных видов умозаключений, составляющих структуру реального рассуждения, внимание профессионала (в данном случае это логик) направлено прежде всего на проверку правильности соответствующих форм, в которых умозаключение непосредственно представлено, тогда как то, ради чего рассуждение предпринято, его может не занимать. Для тех же, кто использует конкретные логические структуры, более важной оказывается как раз ориентация на конечный общий результат.

Поэтому можно утверждать, что контекст логического анализа определяется локальной целью, хотя и подчиненной более общей, обуславливающей необходимость применения именно *этих*, а не ка-

ких-то иных логических форм. Сама же глобальная цель при этом не обязательно предполагается явно. Но поскольку реально люди обычно рассуждают, стараясь решить какую-то определенную задачу, постольку при оценке рациональности осуществляемых ими интеллектуальных процедур должен обязательно учитываться и глобальный целевой контекст, влияющий на использование тех или иных способов рассуждения. Таким образом, верное понимание того, насколько рациональны конкретные действия человека (как мыслительные, так и предметно-практические), предполагает учет взаимодействия локальных и глобальных целевых установок.

Лишь в этом случае можно оценить не только формальную правильность избранной логической структуры, но и рациональность самого ее выбора в каждом отдельном случае. Действия, связанные с достижением локальной цели, определяются тем, как каждый индивид понимает сиюминутную данную ситуацию. И такое понимание определяет ту сторону человеческой активности, которую обычно обозначают как «тактику». В этом смысле любое рассуждение (как вообще любая форма человеческого поведения) характеризуется определенной тактикой. В свою очередь, представление о том, какое место каждая отдельная ситуация занимает в общей структуре рассуждений и как она соотносится с конечной (глобальной) целью, соответствует тому, что имеется в виду под «стратегией».

В реальных поведенческих реакциях любого индивида всегда присутствуют моменты, когда его оценка осуществляемых действий не совпадает с оценками тех, с кем он взаимодействует. Высказывая некоторое мнение или совершая какой-то поступок, их автор полагает, что они наиболее эффективны в данных условиях. Однако остальные люди могут расценить его поведение как отход от ранее заявленной им позиции. В результате создается впечатление, что глобальная и локальная цели, определяющие его действия, оказываются взаимно несовместимыми. Так бывает, например, когда на каком-то шаге рассуждений используются процедуры косвенного доказательства, обращенного не на обоснование истинности выдвинутого тезиса, а на попытку его опровержения посредством доказательства справедливости антитезиса. Кроме того, подобное впечатление зависит и от того, как разные участники коллективного действия представляют себе тактические и стратегические установки друг друга. В действительности глобальная и локальная целевые установки всегда связаны отношениями подчинения (конечно, если все рассуждение в целом осуществляется правильно). Осознание данного обстоя-

тельства, а также понимание того, что любое рассуждение оказывается в той или иной степени основанием каких-то конкретных практических действий, обусловили в современных логических исследованиях рост интереса разных авторов к области так называемой ситуационной логики, связанной с изучением оснований, определяющих переход от мыслительных процессов к практическому действию². В рамках этого подхода и ставится задача: выяснить, в какой степени убежденность в ценности конечной цели позволяет человеку предпринимать действия, временно отклоняющиеся от нее.

Подобный подход свидетельствует о стремлении исследователей выявить такие аспекты процедур рассуждения, которые оставались незамеченными в рамках традиционного формально-логического подхода. Построение и обоснование планов коллективного действия, оценка различных возможностей и выбор одной из них — во всех подобных ситуациях так или иначе применяются различные способы рассуждения, одни из которых оказываются более рациональными, другие — менее. И от того, как определяется рациональность выбора наиболее адекватных для каждой конкретной ситуации логических форм, зависит в конечном счете успешность достижения общей цели.

Взаимодействуя с окружающим миром и другими людьми, каждый человек отображает возникающие ситуации, фиксируя в своем сознании особенности фрагментов действительности, входящих в сферу его интереса, а также такие отношения со своими собеседниками, которые он оценивает в качестве существенных для каждого конкретного акта действия. Поскольку субъективные представления любого человека выражаются в определенных языковых структурах, общих для всех участников коллективного действия (при отсутствии какого-либо варианта подобного языка такое действие вряд ли возможно), постольку характер ситуации определяется для всех ее участников достаточно стандартным набором характеристик, посредством которых в языке представлены объекты внешнего мира, а также понятийно выраженными связями между этими объектами и отношениями между всеми, кто так или иначе включен в коллективное действие³.

Как уже говорилось, традиционный поход к анализу используемых в рассуждении конкретных логических структур связывает оцен-

² См., напр.: *Барвайс Дж., Перри Д.* Ситуации и установки // *Философия, логика, язык.* М., 1987; *Хвостова К. В., Финн В. К.* Проблемы исторического познания в свете междисциплинарного исследования. М., 1997.

³ См.: *Барвайс Дж., Перри Д.* Ситуации и установки.

ку их рациональности с формальной корректностью и обычно оставляет за рамками внимания то обстоятельство, что одни и те же выражения, используемые всеми взаимодействующими в некоторой реальной ситуации людьми, предполагают со стороны каждого из них определенную содержательную интерпретацию этих выражений. И при всем внешнем сходстве самих речевых актов их значение и смысл для разных людей могут существенно не совпадать. В этом случае каждый собеседник будет различным образом оценивать рациональность используемых как им самим, так и другими участниками коммуникативного процесса способов рассуждения.

Поскольку вступающие в общение люди, высказывая те или иные утверждения, явно или неявно взаимно корректируют поведение друг друга, постольку одной из локальных целей каждого из них может быть стремление убедить собеседников в справедливости, эффективности и т. д. именно своей точки зрения. Тогда рациональным будет такое рассуждение, которое — с точки зрения того, кто его использует, — позволит максимально привлечь всех участников общения на его сторону. Но для этого необходимо не только логически эффективно организовывать каждый отдельный этап рассуждения, но и оценивать его уместность с точки зрения глобальной цели. Данное обстоятельство и определяет регуляцию рассуждения как «тактическими», так и «стратегическими» соображениями.

В тех случаях, когда завершённое рассуждение подвергается формально-логической реконструкции, чаще всего оно «спрямляется» и приобретает более упорядоченный, чем в реальности, вид. Каждый его шаг представляется в качестве явно следующего из непосредственно предшествующих ему утверждений, а все они рассматриваются в качестве «ступенек», ведущих прямо к конечному результату. В действительности же интеллектуальную деятельность индивида скорее можно уподобить поиску выхода в лабиринте, когда человеку необходимо для успешного продвижения вперед в какой-то момент пойти назад. Теоретическое «спрямление» практических рассуждений часто встречается, например, в работах, посвященных истории науки. Описывая путь, пройденный тем или иным ученым, совершившим важное научное открытие, авторы таких описаний нередко представляют его действия «какими они должны были быть», а не такими, какими они были на самом деле.

Успешность же реальной стратегии исследователя в первую очередь существенно зависит от того, насколько верно он оценивает рациональность своих действий в каждый отдельный момент. Ведь все-

гда существует опасность того, что выбор некоторой логической формы, позволяющей добиться выигрыша в ситуации «здесь и сейчас», задает такую инерцию дальнейшего движения, которая в конце концов не приближает человека к поставленной им цели, а, напротив, уводит его далеко в сторону. Следовательно, рациональность рассуждения обязательно предполагает периодическую фиксацию положения дел в некоторые отдельные моменты, для того чтобы своевременно корректировать возможные отклонения от конечной глобальной цели. И одним из важнейших средств такой корректировки являются методы логического анализа.

Обращая внимание на данное обстоятельство, известный финский логик Я. Хинтика предлагает выделить два вида правил, регулирующих интеллектуальную практику людей в различных ситуациях: правила «определяющие» и «стратегические». Первые, считает он, задают общий комплекс возможных действий, вторые -- обуславливают выбор одного из возможных вариантов конкретного поведенческого акта на определенном шаге действий⁴. И конечная эффективность человеческих действий зависит от того, как сочетаются между собой обе эти группы правил. Можно, например, делать хорошие отдельные ходы в шахматной партии, однако проиграть ее. Замкнутость человека на какой-то одной группе правил не способствует успешному достижению им поставленной цели.

Нетрудно увидеть, что первый тип таких правил выражает представление о конечной цели, и потому именно их следует скорее характеризовать как «стратегические», тогда как вторые (стимулирующие выбор каждого сиюминутного шага) в большей степени соответствуют традиционному пониманию «тактики». Например, в теории игр считается, что стратегия связана с созданием полного перечня всех возможных ситуаций и всех возможных способов действия в них, тогда как тактикой называют выбор одной из имеющихся возможностей, оцениваемой в качестве наиболее рациональной в каждый данный момент. При этом изменение стратегии может существенно влиять и на характер тактики, в то время как всевозможные вариации тактических действий не обязательно ведут к кардинальным изменениям глобальной цели.

Дело в том, что тактика обычно не выходит за рамки общего контекста, заданного общей целевой установкой, тогда как стратегия

⁴ Хинтика Я. Действительно ли логика — ключ ко всякому хорошему рассуждению? // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 106–107.

предполагает возможность расширения такого контекста, что влечет за собой появление новых задач и различных модификаций в шкале оценок. Тем самым стратегия действий (в том числе и действий интеллектуальных) заставляет обязательно учитывать — помимо явно выраженной цели — возможность каких-то иных установок, способных определить новое направление поиска, если обнаружится, что поставленная ранее задача оказалась неразрешимой. Поэтому тип рациональности, регулирующий стратегические ориентации человека, должен отличаться от того, который определяет его тактику. Целое всегда проявляется через части, однако каждая из таких частей функционирует еще и по своим внутренним законам.

Проявление выделенных групп правил Хинтиikka демонстрирует на примере шахматной игры, в которой каждый конкретный ход соответствует сиюминутной ситуации, сложившейся на доске, и одновременно определяется общей конечной целью выигрыша. Но в реальной практической деятельности людей связь этих правил редко проявляется столь прямо и непосредственно, поскольку даже у людей, решающих одну и ту же коллективную задачу, могут быть и какие-то свои индивидуальные предпочтения. И осмысленная ориентация человека в одних случаях на тактические, а в других на стратегические соображения зависит от степени понимания им особенностей своего положения среди остальных участников коллективных действий, в общении с которыми реализуются и его усилия. Сам акт понимания в этом случае оказывается проявлением глобальной целевой установки, поскольку именно понимание определяет способ организации имеющихся данных в некую целостную систему, а также способствует формированию представления об успешности предпринятых действий.

При этом характер и степень глубины понимания во многом обуславливаются не только тем, как каждый действующий и рассуждающий индивид оценивает собственную позицию, но и его предположениями о позиции, стремлениях и ожиданиях других людей, с которыми он взаимодействует. В связи с этим существенно важным для каждого человека оказывается его умение предугадывать отношение собеседников к тем способам рассуждения, которые он им предъявляет. Приемлемость или неприемлемость для окружающих заставляет каждого человека изменять свои исходные поведенческие установки, если это обеспечивает оптимальность коллективного поведения. Действуя в ситуации «здесь и сейчас», люди ориентируются на какие-то свои предварительно сформированные планы, но, встречая сопротивление, они вынуждены частично или довольно радикально эти планы коррек-

тировать. Достаточно часто несовпадение собственных ожиданий и встречных реакций других людей мешает верно оценить эффективность конкретных средств и способов, используемых при построении рассуждения.

В реальных ситуациях коллективного действия (в том числе и при обсуждении его планов или полученных результатов) взаимное понимание может проявляться в различной степени. Оно может быть полным или частичным, а может и достигать уровня абсолютного непонимания людьми друг друга. В последнем случае взаимодействие существенно затрудняется, а иногда просто становится невозможным. Однако бывает и так, что взаимное непонимание, наоборот, способствует достижению согласия между всеми взаимодействующими людьми, тогда как понимание намерений, выраженных в рассуждениях одного из собеседников, вызывает полную неприемлемость их для остальных. Учитывая различные случаи соотношения между пониманием и приемлемостью индивидуальных действий для каждого члена некоторой данной группы, можно увидеть, что оценка их рациональности в каждом отдельном случае определяется целым рядом условий.

Например, может быть так, что все участники коллективного действия вполне понимают намерения и планы друг друга, но кто-то из них (или даже большинство) не рассматривает позицию других (или другого) в качестве приемлемой для себя. Ясно, что в этом случае каждый человек будет считать именно собственную позицию рациональной и регулировать свои действия исходя из этих оценок. Соединение понимания, готовности рассматривать действия собеседников как приемлемые или неприемлемые, а также убежденности в справедливости своих оценок определяют личную установку каждого индивида, его отношение к контексту поведения своего и тех, с кем он взаимодействует. Установка определяет не только оценку рациональности своих и чужих действий, но в некоторых случаях и отказ от такой оценки.

Еще один возможный случай связан с ситуацией, в которой позиция других понятна, но оценивается лишь как «относительно рациональная». Это происходит там, где рассуждение одного из участников коллективного действия выражено примерно так: «если бы я был на его месте, то, наверное, действовал бы подобным же образом». Но уже само различие «своей» и «чужой» позиций демонстрирует недостаточную степень приемлемости действий другого, понимание тем, кто анализирует эти действия со стороны, возможности и каких-то иных форм поведения. Естественно, что, не имея информации о глобальной

целевой установке собеседников, фиксируя лишь их тактические приемы, каждый индивид исходит из попыток соотносить их действия со своими целями. Поэтому «внешние» и «внутренние» оценки рациональности редко совпадают достаточно полно.

Довольно часто чужая точка зрения может восприниматься в качестве «непонятной», хотя на самом деле собеседники просто не хотят соглашаться с ней. Все подобные ситуации показывают существенную сложность комплекса факторов, влияющих на оценку рациональности любых конкретных рассуждений. Обращение к средствам логического анализа способствует увеличению понимания людьми друг друга, но не может обеспечить полного совпадения позиций разных индивидов. В какой-то степени это следствие того, что не все элементы личностной установки можно представить всегда в явной форме. Стратегические ориентации базируются не только на осознании человеком рациональности собственных целей и способов действия, но и на скрытых от него самого предпочтениях.

К тому же редко бывает так, чтобы критерии, определяющие завершенность коллективного действия, полностью совпали у всех. В реальной общественной практике чаще всего одному из членов группы (или нескольким) удается убедить остальных в том, что поставленная задача решена. Тогда рациональность осуществленных усилий оценивается ретроспективно, по конечному результату, принятому в качестве оптимального. В этом случае формальное «спрямление» действительного пути, пройденного всеми участниками поиска, может искажать представления о прошлом, в котором этот поиск, возможно, был связан с какой-то иной задачей. Не случайно у математиков существует полушутливое методологическое требование: «решив задачу, внимательно посмотри — ту ли задачу ты решил».

Конкретные реальные люди не могут рассуждать, исходя из представлений об актуальной бесконечности своих усилий⁵. В какой-то момент процесс должен завершаться, хотя в некотором будущем возможность его продолжения может стать стимулом усилий последующих поколений. Это указывает на зависимость личностной позиции каждого участника определенного коллективного действия от некой общекультурной (для исторически конкретного типа общества) «фоновой» установки. Логические правила являются как раз одним из наиболее устойчивых элементов подобного фона. Именно благодаря

⁵ См., напр.: *Зеткин А. А.* Новый подход к анализу проблемы парадоксов // Вопросы философии. 2000. № 10.

им оказывается возможным сохранять на протяжении длительного времени одинаковые способы организации человеческих рассуждений и тем самым обеспечивать преемственность исторических усилий разных поколений, соединяющую акты жизнедеятельности всевозможных народов в общую (пусть и не всегда явно представленную) картину. Поскольку нет логики «русской» или «английской», «испанской» или «турецкой», постольку можно говорить, что по крайней мере в интеллектуальной сфере проявляется некая культурная целостность «человечества».

В то же время существенные различия в условиях жизни каждого исторически конкретного сообщества диктуют специфику конкретного фона, что определяет и разные тактические способы построения рассуждений, в которых используются одни и те же логические формы. Это обусловлено тем, что структура различных текстов, в которых представлены результаты интеллектуальной деятельности людей, не всегда построена из высказываний, выводимых внутри данного текста из других его составляющих. Целостность многих реальных рассуждений обеспечивается соединением в них элементов существенно различной природы. Случается и так, что сопоставленные друг с другом утверждения вне общего контекста могут даже восприниматься в качестве несовместимых.

Однако, будучи связаны между собой, они начинают взаимно дополнять друг друга, образуя определенное содержательное единство. Общая идея проявляется в каждом из таких высказываний как некий «инвариант», позволяющий обнаружить сходство в различии. В данном случае возникает то, что в рамках диалектического подхода обозначается как «единство противоположностей». В самом деле, сама возможность конфликта между взаимно несовместимыми утверждениями предполагает их связь. Любое отрицание в определенном смысле может восприниматься в качестве утверждения, как и в утверждении неявно содержится отрицание. Обе эти формы представляют собой превращенный вариант друг друга. Поэтому обнаружение любого противоречия предполагает тщательный анализ контекста, в котором оно зафиксировано.

Такой анализ часто показывает, что разные способы построения текстов, в которых реально представлены всевозможные виды рассуждений, стратегически подчинены некой общей логике, хотя используемая в этих текстах тактика иногда выглядит принципиально различной. Сравнивая, например, организационные принципы построения рассуждений, применяемые в культурах древней Европы, в неко-

торых вариантах буддийской логики и в духовной практике мусульманства, можно обнаружить совпадение глобальных целей, определявших действия их авторов. Для каждого из них было необходимо обеспечить убедительность выражаемых ими идей, обосновать истинность описываемых событий, становившихся в случае успеха основой ритуальной практики различных человеческих сообществ. Сведения, содержащиеся, например, в библейских текстах, на долгое время определили весь комплекс жизнедеятельности многих народов (как и текст Корана), поэтому доказательство их истинности было для авторов таких текстов задачей первостепенной важности.

Однако специфика фундаментальных особенностей различных культур, обуславливающая тактические приемы, применяемые их носителями, часто маскирует глубинное сходство глобальных целей, для достижения которых и строятся всевозможные рассуждения. В результате возникают представления о кардинальном несопадении «западного» и «восточного» типов рациональности. Мысль о существенном отличии европейской логики от тех интеллектуальных средств, которые применялись (и применяются поныне) носителями «традиционных» культур, стала одним из наиболее устойчивых штампов, весьма заметно влияющих на восприятие европейцами духовных ценностей других цивилизаций. Однако, используя логические средства для анализа древних текстов, можно обнаружить, что на самом деле совпадают не только стратегические соображения их авторов, но и тактические приемы, использованные мыслителями, принадлежащими к очень разным традициям.

Известно, например, что организация мусульманской сунны строится на том, что достоверность сообщаемых в ней сведений обосновывается ссылкой на достаточно длинную цепь имен персонажей, передававших эти сведения друг другу (при этом истинность утверждений самих трансляторов сообщения чаще всего никого специально не интересует, убеждает их количество). Но подобный же прием можно увидеть и в буддийских, а также древнехристианских текстах. Тщательно выстраивая каждый отдельный эпизод повествования, восточные и западные авторы редко заботились о каком-то взаимном их увязывании. Один и тот же принцип организации текстов лежит в основе знаменитых сказок «Тысячи и одной ночи» и не менее известного литературного памятника древней Европы «Плавание святого Брендана». Тем не менее каждый из этих текстов воспринимается в качестве единого целого, а не просто как набор сюжетов, изолированных друг от друга.

Не менее показательна и практика рассуждений буддийских логиков, в чьих сочинениях ссылка на каноническую литературу также служила в качестве одного из важнейших средств, с помощью которых обосновывались высказываемые утверждения. Наряду с этим, однако, древнеиндийские авторы разработали и целую систему правил, регулирующих практику всевозможных диспутов. И такие правила (в силу своей общеобязательности) также служили средством обоснования той или иной позиции, предъявляемой каждым из участников ученого спора. Правда, у индийской логики можно отметить некоторую интересную особенность — специфическое отношение к логическому отрицанию. В отличие от представителей европейской традиции индийские мудрецы видели в отрицании не средство отказа от некоторых утверждений, а способ указания на возможность каких-то иных вариантов рассуждения — помимо явно представленного в актуальной ситуации «здесь и сейчас».

Возможно, в этом проявлялось интуитивное понимание необходимости допускать возможность кардинальной смены стратегий на каком-то шаге интеллектуального поиска. Ведь если европейские мыслители со времен Сократа стремились к завершению спора, ориентируясь на получение эффективного доказательства правоты одной из сторон, то логика буддизма предполагала возможность дальнейшего продолжения обсуждения поднимаемых вопросов, заставляя отказываться от обязательного получения «окончательных» ответов. Можно увидеть в таком типе логики своеобразный синтез аналитического и диалектического подходов, в рамках которого некоторому утверждению «А» обязательно сопутствует внешне противоречащее ему «не А». Тем самым отрицательная форма, обязательно присутствующая в рассуждении, заставляет явно учитывать существование различных позиций, даже таких, которые не представлены в некотором данном случае никем из участников диспута⁶.

Стоит упомянуть и опыт мыслителей другой ветви восточной культуры — традицию древнекитайского даосизма, также явно ориентированную на отказ от описания мыслимых объектов каким-то единственно возможным способом. Как известно, основной методологической идеей данного вида философии было представление о том, что внешние формы — всего лишь оболочка скрытых за ними глубинных сущностей. Поэтому и в древнекитайских текстах множество обособленных друг от друга фрагментов переплетаются между собой до-

⁶ См., напр.: *Инголлс Д. Г. Х.* Введение в индийскую логику навья-ньяя. М., 1975.

вольно сложным образом. В одном и том же сочинении могут использоваться различные стили и приемы, иногда не очень совместимые друг с другом⁷.

Целостность подобных текстов, в содержание которых входят и всевозможные рассуждения, основывается на том, что все они воспринимаются в качестве внешнего проявления глубинного целого, не описываемого однозначно. Поэтому столкновение в одном тексте противоположных утверждений, использование всевозможных парадоксов, обилие метафорических средств должны указывать на принципиальную невозможность разложить целое на составляющие части. Приведенные примеры демонстрируют общее для всех представителей различных человеческих культур стремление проявить глубинное основание мировой целостности, как-то указать на его характеристики хотя бы в частично явном виде.

Действительно, интерес к скрытым сторонам реальности, не представленным в используемых системах знания прямо, выступает одной из наиболее устойчивых характеристик древнего мышления. Но подобная ориентация обусловила в дальнейшем, по мере развития интеллектуальной практики людей, и потребность в создании средств, позволяющих сделать неявное хотя бы в какой-то степени явным. И формирование всевозможных систем логики было связано как раз с решением данной задачи. Логический анализ рассуждений, с помощью которых люди добиваются согласования своих действий, позволяет выявить в мыслительной деятельности, реализуемой представителями различных культур, некоторые инвариантные приемы, оказывающиеся эффективными при решении всевозможных задач, как практических, так и интеллектуальных.

Не случайно различные исследователи, изучавшие и изучающие многообразные формы интеллектуальной деятельности, созданные на базе разных культурных традиций, подчеркивают независимость наиболее распространенных из таких форм от специфических особенностей и условий жизнедеятельности народов, обитающих в разных регионах планеты. Устойчивость и универсальность формальных структур, в которых проявляется большинство известных на сегодня типов рассуждения, позволяют утверждать, что используемые при этом логические средства следует оценивать не только с точки зрения их правильности, но и по тому, насколько они рациональны. Мнение о том, что логика безразлична к оформляемому с ее помощью содержанию,

⁷ См.: *Малявин В. В.* Чжуан-цзы. М., 1985.

справедливо лишь в границах собственно внутрилогического анализа структур, посредством которых реализовано уже готовое умозаключение.

На самом деле такой анализ позволяет эксплицировать и явно представить некоторые реально действующие, но не всегда прямо различимые правила, регулирующие успешность применения любых интеллектуальных операций, внешне различающихся между собой. Подобная же экспликация способствует осознанному (а значит, и наиболее рациональному) выбору таких вариантов рассуждения, которые максимально соответствуют конкретным ситуациям человеческой деятельности, как предметно-практической, так и духовно-интеллектуальной. Таким образом, несмотря на кажущуюся индифферентность логики по отношению к содержательной стороне практического рассуждения, ее средства не абсолютно автономны от содержательного контекста, в котором реализуется интеллектуальная деятельность людей.